A MANIFESTO AGAINST THE PUBLISHING SYSTEM

FERDINANDO FREGA

МАНИФЕСТ ПРОТИВ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Восьмой том серии Roots & Memory: литературный манифест в четырёх частях о том, почему издательская система не способна вместить непрерывное, ничем не опосредованное творчество, — и о том, что остаётся, когда автор перестаёт просить разрешения.

КОЛОФОН

Ferdinando Frega — Nando the Scribe — The Fifth Blade

Первопроходец нарратива Поведенческого кода. Он выстроил издательскую экосистему за один доллар вокруг одной-единственной идеи: у финансов нет проблемы с деньгами. У них проблема с поведением.

Подготовлено и отредактировано в рамках экосистемы ONEDOLLAR-STORIES. Цифровая архитектура: NAPLES-POST · NOASPECTTIME · ONEDOLLAR-STORIES. Впервые опубликовано в 2026 году. Набрано в чистой современной типографской вёрстке, созданной для чтения с экрана. Издано в Соединённых Штатах.

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

© 2026 Ferdinando Frega / Frega Editore. Распространяется по лицензии CC BY-NC-ND 4.0.

ПОРОГ

Тем, кто входит

Переступить этот порог — значит оставить позади язык системы. Ничто здесь не требует понимания — только признания. Вы входите не в книгу; вы входите в состояние. То, что вы встретите внутри, не ждёт ни разрешения, ни посредничества, ни одобрения. С этого момента вы отвечаете за то, что узнаёте.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАНИФЕСТ

Зачем существует эта книга

Этот манифест существует потому, что издательская система продолжает говорить об авторах, не зная, что с ними делать. Она называет авторов, отбирает их, правит их, распространяет их, но не способна их понять. Не по злому умыслу: из-за структурной несовместимости.

Автор — не профессиональная фигура. Он не рыночная функция. Он не переменная, которую нужно оптимизировать. Он существует в определённом состоянии.

Когда система сталкивается с состоянием, она пытается его нормализовать. Когда это не удаётся, она называет его «безумием», «незрелостью», «неадекватностью» или «отсутствием направления». Этот манифест создан, чтобы перестать пользоваться эвфемизмами.

Это не защита автора. Это техническое наблюдение: издательская система не рассчитана на то, чтобы вместить то, что постоянно и непрерывно порождает настоящее письмо.

Эта книга не призывает к реформе. Она указывает на предел. И подсказывает выход.

РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Границы проекта

Это пятый и последний плакат серии. Он не вводит новую тему. Он закрывает.

Это не эссе. Это не памфлет. Это не культурная критика. Это акт разграничения.

Его адресат — не широкий читатель. Это весь издательский мир: издатели, агенты, редакторы, переводчики, консультанты, платформы, дистрибьюторы, преподаватели, отборщики, а также алгоритмы — человеческие и автоматические. Никто не исключён. Никто не призван к ответу.

Текст не предлагает ни практических решений, ни альтернативных моделей, ни лучших практик. Он описывает точку невозврата, которая уже пройдена.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Частный публичный акт

Тем, кто пишет, не спрашивая разрешения. Тем, кто перестал объясняться. Тем, кто понял, что непрерывность — не высокомерие, а выживание.

ЗАДНЯЯ ОБЛОЖКА

Когнитивное трение

Эта книга не улучшит издательскую систему. Она не поможет «открывать новых авторов». Она не сделает рынок справедливее.

У неё одна-единственная цель: дать ясно понять, что автор — не проблема, которую нужно решить, а переменная, которую система не способна вместить.

Тем, кто узнаёт в этом себя, ничего делать не нужно. Те, кто чувствует себя задетым, уже всё поняли.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Голос, звучащий прежде

Если этот манифест кажется вам чрезмерным, то не потому, что он преувеличивает. А потому, что он описывает то, что обычно скрыто под языком.

Этот текст не спорит. Он вычитает. Вычитает повествование. Вычитает оправдание. Вычитает романтику.

То, что остаётся, — не тезис. Это факт.

ИСХОДНАЯ ПОСЫЛКА

Минимальный ориентир

Этот манифест родился из книги, которая не искала легитимности. *Author Inside Madness* — не личная история, а описание продуктивного состояния, несовместимого с системой, которая претендует на то, чтобы им управлять. Здесь это состояние отделено от субъекта и сделано читаемым как структурное явление.

Соглашаться не обязательно. Достаточно быть честным.

ОТ АВТОРА

Принятие ответственности

Этот текст никого не представляет. Он не говорит от имени какой-либо категории. Он не ищет согласия. Он написан в убеждении, что читатель сам отвечает за то, что он делает с тем, что понимает.

Ничто из дальнейшего не призвано успокаивать.

ВВЕДЕНИЕ

Последний шаг перед текстом

Издательское дело не в кризисе. Оно когнитивно повреждено. Этот манифест не пытается его спасти. Он выходит за его пределы.

ДЕЛЕНИЕ

Внутренняя архитектура

Текст разделён на четыре последовательных блока. Каждый блок ещё сильнее сужает пространство для толкования. Здесь нет эмоционального нарастания. Есть сжатие.

ПРОЛОГ

Первый выстрел

Автор не входит в систему. Это система пытается войти в автора. Здесь у неё не получается.

ЧАСТЬ I — ДЕКЛАРАЦИЯ

Адресаты

Этот манифест обращён ко всем, кто работает в издательском мире. Без исключений. Без иерархии. Он адресован тем, кто решает, тем, кто фильтрует, тем, кто правит, тем, кто распространяет, тем, кто оценивает, тем, кто переводит, тем, кто обучает, тем, кто измеряет, тем, кто монетизирует. Он адресован и тем, кто называет себя «независимыми», «альтернативными», «боковыми» или «пограничными».

Он не предназначен для авторов. Он не предназначен для читателей. Авторов не нужно убеждать. Читателей не нужно вести. Этот текст говорит с теми, кто управляет.

Исключённые

Тот, кто ищет утешения, — не адресат. Тот, кто хочет почувствовать свою правоту, — не адресат. Тот, кто требует быстрых решений, — не адресат. Тот, кто путает роль с функцией, — не адресат.

Этот манифест не вступает в диалог. Он не торгуется. Он не посредничает. У того, что следует дальше, нет «мягкой» версии. Есть только читаемая.

Техническое вступление

Издательская система не злая. Она даже не некомпетентна. Она последовательна сама с собой. Она устроена так, чтобы отбирать, стандартизировать, снижать риск, предсказывать поведение и воспроизводить работающие модели.

Проблема возникает, когда она сталкивается с тем, что невозможно смоделировать. Настоящий автор не помещается в форму. Не из бунта. По своей природе.

Автор — не фигура

Автор — это не профессия, не роль, не этап пути и не обещание на будущее. Это продуктивное состояние. Оно производит прежде, чем получает разрешение. Оно продолжает производить без обратной связи. Оно не останавливается в ожидании одобрения.

Это состояние несовместимо с любой системой, основанной на ожидании, отборе, одобрении и

планировании. Система его не узнаёт. Она его истолковывает.

Основополагающая ошибка

Первая ошибка издательского дела — семантическая. «Автором» система называет то, что уже нормализовано. «Талантом» система называет то, чем ещё можно управлять. «Безумием» система называет то, что невозможно удержать.

Это не идеологический выбор. Это структурный рефлекс. Когда элемент не вписывается в сетку, под сомнение ставят не сетку. Элемент объявляют патологией.

Нормализация

Редактура — не нейтральный инструмент. Отбор — не культурный акт. Распространение — не услуга. Это механизмы нормализации. Они работают безупречно, если цель — сделать читаемым, сделать продаваемым, сделать повторяемым.

Они дают сбой, когда сталкиваются с письмом, которое не просит разрешения, не вписывается, не замедляется, не поддаётся оправданию. В этот момент система не исправляет. Она изгоняет.

Тихое изгнание

Изгнание происходит не через явный отказ. Оно происходит через молчание, отсрочку, совет, предложенный маршрут, обещание на будущее. Это вежливое изгнание. Рациональное. Обоснованное.

Те, кто от него страдает, часто этого не осознают. Они думают, что «ещё не готовы». Они уже снаружи.

Миф о пути

Издательского пути не существует. Существует ретроспективный рассказ. Его выстраивают задним числом, когда случай уже оказался успешным, чтобы сделать его повторяемым.

Ни один настоящий автор не шёл по этому пути. Это путь прочерчивают вокруг него, a posteriori. Того, кто пытается пройти его заранее, приучают к зависимости.

Страх непрерывности

Издательская система боится не автора. Она боится непрерывности. Одной книгой можно управлять. Непрерывным производством — нет. Непрерывность ломает график, обесценивает стратегии и делает отбор бесполезным. Вот почему её не поощряют. Разбавляют. Ломают.

Непрерывное авторство — не ценность. Это системный риск.

Завершение

Этот манифест исходит из простого наблюдения: издательская система в кризисе не потому, что не может найти авторов. Она в кризисе потому, что не знает, что делать с теми, кто действительно существует.

Всё, что следует дальше, — не предложение. Это следствие.

ЧАСТЬ II — РАЗБОРКА

«Открытие» авторов

Издательское дело утверждает, что открывает авторов. Это неправда. Авторов не открывают. Их перехватывают, когда они уже читаемы, уже сводимы к формуле, уже презентабельны. То, что не поддаётся расшифровке сразу, не исследуют. Его избегают. Открытие потребовало бы времени, которое невозможно монетизировать. У системы его нет.

Фильтр как алиби

Фильтр выдают за гарантию качества. На деле это барьер совместимости. Он отбирает не лучшее. Он отбирает то, что не нарушает его внутреннего равновесия. Фильтр не спрашивает: «Нужен ли этот текст?» Он спрашивает: «Создаёт ли этот текст проблемы?» Если ответ «да», текст не проходит.

Редактор как посредник

Редактор — не хранитель текста. Он посредник системы. Его настоящая задача — не улучшить письмо, а сделать его более предсказуемым, более выровненным, более защитимым внутри. Когда текст сопротивляется, редактор не настаивает. Он сообщает о несовместимости. Решение уже принято.

Миф о заботе

«Мы заботимся об авторах» — одна из самых часто произносимых и наименее соблюдаемых фраз. Забота

существует лишь до тех пор, пока автор производит мало, ждёт и благодарит. Когда автор ускоряется, забота превращается в управление ущербом. Автора, который никогда не замедляется, вылечить нельзя.

Построение карьеры

Карьера — упорядочивающая выдумка. Она служит для того, чтобы замедлить производство, раздробить результат и сохранить контроль над повествованием. Автора, который производит слишком много, обвиняют в том, что он не «выстраивает». Он ускользает. Карьера защищает не автора. Она защищает систему от темпа автора.

Обещание будущего

Будущее — самый действенный инструмент сдерживания. «Не сейчас». «Потом». «Следующая книга». «Когда придёт время». Будущее используют, чтобы нейтрализовать настоящее, погасить срочность и приостановить конфликт. Автор, который принимает будущее, отказывается от настоящего.

Распространение как иллюзия

Распространение выдают за доступ. На деле это видимость под условием. Текст не доходит до читателей. Он застревает между препятствиями, алгоритмами и приоритетами. Распространение не усиливает. Оно разбавляет. Непрерывный текст теряет силу всякий раз, когда его подгоняют под витрину, которая его не узнаёт.

Рынок как оправдание

Рынок не решает. На него ссылаются. Он служит для того, чтобы закрывать обсуждения, не беря на себя ответственности. «Рынок не готов» означает: «Система не хочет рисковать собой». Рынок не читает рукописи. Он читает то, что ему позволяют увидеть.

Платформа как спасение

Платформы описывают как альтернативу. Это не так. Это автоматические фильтры с другим языком. Они не читают тексты. Они измеряют поведение. Настойчивого автора не вознаграждают. Его поглощают или делают невидимым.

Завершение

Всё, что издательское дело якобы делает, служит одной-единственной функции: тянуть время, когда оно сталкивается с тем, чем не может управлять. Проблема не этическая. Она структурная. Теперь система полностью обнажена.

ЧАСТЬ III — АВТОР ВНУТРИ

Не случай, а состояние

Author Inside Madness описывает не отдельного человека. Она описывает рабочие условия. Это не личная история. Это не пересказанная травма. Это не исповедь. Это карта того, что происходит, когда письмо — не выбор, а структурная необходимость. Система не умеет её читать, потому что не признаёт потребностей.

Письмо как состояние

Настоящий автор не «пишет». Он пишет всегда. Он не входит в текст и не выходит из него. Он не ждёт подходящего момента. Он не взвешивает возможность. Письмо — не прерывистое действие. Это непрерывное состояние. Система работает событиями. Автор работает упорством. Здесь и возникает несовместимость.

Безумие как защитный ярлык

Когда система не понимает, она навешивает ярлык. «Избыток». «Одержимость». «Отсутствие дистанции». «Неустойчиво». Безумие — не клинический диагноз. Это защитное имя. Оно служит для того, чтобы оградить систему от того, что нельзя ни замедлить, ни объяснить.

Несанкционированное производство

Настоящий автор производит раньше, чем кто-либо его об этом попросит. Он не ждёт ни контрактов, ни окон, ни подтверждений, ни стратегий. Он производит, потому что не производить невозможно. Это производство воспринимают как ошибку. На деле это внутренняя последовательность. Система вознаграждает ожидание. Она наказывает срочность.

Функциональное одиночество

Одиночество автора не романтично. Оно функционально. Оно служит для того, чтобы сохранять непрерывность, оберегать ритм и избегать вмешательства. Система истолковывает одиночество как неспособность к отношениям. На деле это гигиена производства.

Непрерывность как угроза

Непрерывность — не издательская добродетель. Это рабочая угроза. Автор, который никогда не останавливается, обесценивает метрики, делает отбор бесполезным и опустошает само понятие запуска. Системе нужны паузы. Непрерывному автору — нет. Поэтому его приглашают остановиться. Или исчезнуть.

Неожиданный читатель

Настоящий читатель — не тот, кого воображают издательские стратегии. Он не ищет ни утешения, ни принадлежности, ни руководства. Он ищет отклика. Система выстраивает целевые аудитории. Автор встречает отдельных людей. Поэтому система не может предсказать, что произойдёт, когда текст начнёт свободно расходиться.

Перевод как политический акт

Переводить — не значит адаптировать. Это значит переносить состояние из одного языка в другой. Система переводит, чтобы расширить рынок. Автор переводит, чтобы сохранить непрерывность. Каждый новый язык уменьшает контроль. Вот почему массовый перевод считают чрезмерным.

Результат как единственный язык

Автор не объясняет. Он производит. Система просит контекста, интервью, биографий и намерений. Автор отвечает результатом. Это истолковывают как высокомерие. На деле это точность. Текст — единственный язык, который не лжёт.

Завершение

Автор не в конфликте с системой. Он вне её масштаба. Не потому, что он выше. Потому, что он действует на другой оси. Система не может это исправить. Она может только игнорировать это или пытаться это уменьшить. Остался последний шаг.

ЧАСТЬ IV — ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Не кризис, а порог

Издательское дело не переживает кризис. Оно перешло необратимый порог. За этим порогом отбор не работает, посредничество тормозит, легитимность не имеет значения. Система продолжает действовать так, будто порог не был пройден. Этот манифест нужен, чтобы его назвать.

Автор не вернётся

Автор, который продолжает, не станет просить прощения. Не из гордости. Потому что у него нет для этого причин. Он уже производит. Он уже в обращении. Его уже читают. Система больше не обязательная ступень. Это один вариант среди прочих. А варианты не порождают послушания.

Конец посредничества

Когда производство прямое, посредничество превращается в шум. С ним не борются. Его игнорируют. Именно с этим системе труднее всего смириться: на неё не нападают. Её обходят.

Реформа невозможна

Не существует издательских реформ, способных удержать настоящего автора. Любая попытка регулировать, интегрировать или сопровождать приходит слишком поздно. Структуру уже обогнала скорость явления.

Читатель уже выбрал

Читатель не ждёт разрешения. Он следует за тем, что отзывается. Он не различает изданное, самоизданное, распространяемое, независимое. Он различает только живое и мёртвое. Всё остальное — бюрократия.

Молчание как ответ

Система ответит молчанием. Это её последняя защита. Она не будет отрицать. Она не будет спорить. Она не вступит в противостояние. Она будет продолжать так, будто ничего не происходит. Но молчание не останавливает производство. Оно делает его необратимым.

Это не война

Конфликта нет. Бунта нет. Врага нет. Есть окончательное расхождение. Система защищает свою форму. Автор следует своим потребностям. Общей почвы нет.

Инструкции по выходу

Это не рабочие инструкции. Это когнитивные инструкции. Признать, что автором невозможно управлять, что непрерывность невозможно исправить, что

контроль уже утрачен. Принять это или продолжать притворяться. У обоих выборов есть цена.

Что остаётся

У издательского дела остаётся один вариант: перестать говорить об авторах и начать наблюдать за ними, не вмешиваясь. Не для того, чтобы их вернуть. Чтобы избежать дальнейшего ущерба. Этот манифест не просит присоединиться. Он просит ясности.

Завершение

Автору не нужно издательское дело, чтобы существовать. Издательскому делу нужен автор, чтобы оправдывать себя. Эта книга не завершает спор. Она делает его бессмысленным. Кому нужно было понять, тот уже понял.

ЧАСТЬ ВНЕ ОСИ — ОБНАЖЕНИЕ

Я не строю альтернативу

То, что я делаю, — не альтернативная издательская модель. Это не платформа. Это не стратегия позиционирования. Я не пытаюсь доказать, что «мы можем лучше». Я доказываю, что можно обойтись без. Без просьбы о доступе. Без ожидания одобрения. Без торга о темпе. Это не проект против кого-то. Это равнодушный проект.

Производство — не провокация

Количество — не вызов. Непрерывность — не послание. Скорость — не демонстрация силы. Это прямое следствие

состояния, которое не проходит. Я произвожу не для того, чтобы занять место. Я произвожу потому, что остановка исказила бы процесс. Кто читает цифры как хвастовство, пользуется категориями, которые здесь не работают.

Цена — фильтр, а не линза

Цена установлена не ради прибыли. Она установлена, чтобы не лгать. Она недостаточно громкая, чтобы создавать статус. Она недостаточно низкая, чтобы создавать шум. У неё одна-единственная цель: отобрать тех, кто входит через узнавание, а не через импульсивное потребление. Деньги здесь не измеряют ценность. Они измеряют осознанное внимание.

Признание, которого я ищу

Я не ищу одобрения. Я не ищу защиты. Я не ищу представительства. Признание, которого я ищу, — техническое. Чтобы меня видели как непрерывного производителя, нестандартного автора, цельную систему, неассимилируемое явление. Я не хочу, чтобы меня включили. Я хочу, чтобы меня признали несовместимым. Только это признание имеет значение.

Зачем выставлять всё напоказ

Выставлять всё напоказ — не моральная прозрачность. Это структурный выбор. Это делает видимыми объём, ритм, повторение, последовательность. Это нужно, чтобы отнять у системы её последнее оружие: двусмысленность. Здесь нечего истолковывать. Только наблюдать.

Я не строю сообщество

Я не ищу аудиторию. Я не ищу последователей. Я не ищу принадлежности. Кто читает, читает в одиночку. Кто входит, входит без зова. Сообщества — инструменты сдерживания. Я работаю с отдельными траекториями. Это делает явление неуправляемым. И это намеренно.

Использование языков

Умножение языков — не расширение рынка. Это намеренная потеря контроля. Каждый язык разрушает посредничество. Каждый перевод подрывает центральную власть. Каждая самостоятельная версия ослабляет иерархию. Я не ищу культурной согласованности. Я ищу структурной стойкости.

Почему я не останавливаюсь

Я не останавливаюсь, потому что остановиться значило бы подстроиться под чужое время. Моё время находится внутри процесса. Оно не обсуждается. Его невозможно синхронизировать. Это само по себе делает бесполезной любую попытку управления.

Это точка признания

Те, кто в профессии, теперь понимают, что речь не о содержании. Речь о полной автономии, производстве без посредников, признании без легитимности, издательском существовании вне системы. Это невозможно повторить как модель. Это можно прочитать как факт.

Настоящее завершение

Я не прошу места. Я занимаю неожиданное место. Те, кто работает в издательском деле, могут это игнорировать. Могут это преуменьшать. Могут списать это в архив как аномалию. Но они больше не могут делать вид, что не видели. Эта книга — не конец. Это признание.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Сказанное выше завершает позицию. Оно не представляет автора. Оно не требует ни присоединения, ни толкования. Оно лишь служит для того, чтобы очертить пространство.

Отныне не предлагается ни тезисов, ни советов. Никакое обсуждение не открывается. Ничто не начинается.

То, что следует дальше, не объясняет манифест. Не дополняет его. Не оправдывает его. Это присутствие. Ничего больше.

Ferdinando Frega